

всѣ другія. Человѣчество или даже народъ состоитъ изъ множества единицъ, и каждая выступаетъ со своими влеченіями. Несомнѣнно, дружелюбіе возрастетъ; люди будутъ посвящать заботамъ о близкихъ больше силъ, чѣмъ теперь; но нѣтъ основанія думать, что люди совершенно откажутся отъ всего, въ чемъ не выражается любовь къ человѣчеству.

Неубѣдительно разсужденіе Толстого и о томъ, что не стоитъ любить, главнымъ образомъ, себя, такъ какъ человѣку предстятъ смерть, и не стоитъ ограничивать свою любовь кругомъ близкихъ людей, такъ какъ они смертны. Разсуждая такъ, мы оказываемся въ странномъ положеніи. Вѣдь, смертны всѣ; если, памятуя объ этомъ, я буду умѣренно любить себя и близкихъ, то буду умѣренно любить и всѣхъ остальныхъ людей. Во имя чего же, умѣренно любя своихъ дѣтей, родныхъ и друзей, потому что они смертны, я буду полагать всѣ силы моей любви для постороннихъ людей, которые также смертны? Мнѣ остается только одинъ выходъ: любить человѣчество въ идеѣ и относиться со сдержаннымъ чувствомъ къ каждому отдѣльному представителю человѣчества, близкому или далекому, связанному со мною родственными узами или почти незнакомому. Но это—путь опасный: онъ легко можетъ привести къ тому, что моя любовь будетъ уже не дѣйственная, не творческая, а холодная; неизбѣжно наступитъ то послѣдствіе, что, предаваясь сладкому созерцанію, мечтая о человѣчествѣ, я буду очень мало служить живымъ людямъ.

Увлеченный мыслью, что человѣкъ долженъ, прежде всего, любить человѣчество въ его цѣломъ, Толстой увѣщаетъ молодыхъ людей обратить все вниманіе на усиленіе любви въ себѣ и предоставить общественной жизни идти такъ, какъ она идетъ, какъ ей предопредѣлено. Этотъ совѣтъ, запечатлѣнный фатализмомъ Востока, смѣшонъ для человѣка со сколько-нибудь сильной волей и очень опасенъ для людей безвольныхъ. Конечно, его услышатъ только тѣ, душа которыхъ полна чувства дружелюбія. Представимъ себѣ, что совѣту послѣдуетъ большая часть такихъ людей: тѣ, въ которыхъ преобладаютъ влеченія эгоизма—именно они и составляютъ огромное большинство—явятся тогда неограниченными владыками и всемогущими устроителями общественной жизни. А вслѣдствіе этого замедлится нарастаніе тѣхъ началъ, законовъ, учрежденій, которые, въ большей или меньшей степени, выражаютъ альтруистическое чувство. Если теперь, не безъ вліянія со стороны альтруизма, издаются законы, которые